

Овчинникова И. И.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СООБЩЕНИЙ О КОНТРОЛИРУЕМОМ / НЕКОНТРОЛИРУЕМОМ ДЕЙСТВИИ СУБЪЕКТА В УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье исследуются глаголы действия в украинском и русском языках, в значении которых актуализирована сема 'контролируемость / неконтролируемость'; определяются те семантико-синтаксические параметры, по которым действия субъекта дифференцируются на контролируемые и неконтролируемые.

Ключевые слова: действие, глагол, сема 'контролируемость/ неконтролируемость' субъект действия.

Современная когнитивная грамматика продолжает рассмотрение дискуссионных вопросов, поставленных в свое время еще в структурной семантике, одним из которых является вопрос о семантико-синтаксической структуре языковых единиц, характеризующих способность субъекта руководить своими действиями. Среди единиц данного класса функционируют такие, которые обозначают осознанность, контроль различных аспектов действия, а также отсутствие контроля, при этом часто они рассматриваются как синонимы. Это, прежде всего, глаголы с семами 'активность' (А. Селиверстова), 'агентивность' (Т. Булыгина), 'волевое намерение' (Т. Шмелева), 'целеустремленность' (Т. Стексова) и т.д.

Отличительной особенностью глаголов со значением действия в украинском и русском языках является указание на активность субъекта, который это действие осуществляет. Активность предполагает актуализацию в значении глаголов таких семантических элементов, как 'контролируемость', 'волонтактивность', 'целеустремленность' и т.д. Сема 'контролируемость' связана с наличием или отсутствием в синтаксической структуре агенса – лица-исполнителя, контролирующего собственные действия, которые можно расценивать как целеустремленные. Целеустремленность, в свою очередь, содержит понимание того, что субъект совершает действия сознательно, по собственной воле, а также предполагает достижение определенного результата.

'Контролируемость' в значении глаголов действия в украинском и русском языке свидетельствует о ситуации, при которой действия субъекта сознательно направлены на изменение состояния или качества объекта, а это дает основания утверждать, что именно она является тем показателем, который отличает собственно действие от бесперспективной деятельности [5, с. 72]. Как правило, имплицитный компонент онтологически присутствует в значении глагольного слова и может быть выявлен при его семантическом расщеплении.

Однако, несмотря на свою онтологическую природу, сема 'контролируемость' не всегда проявляет однозначность в толковании и часто именно она выступает в роли той проблемной особенности, которая открывает перед исследователем всю сложность и противоречивость классификационных показателей глаголов действия. Это связано с тем, что формально все действия сознательного субъекта (лица) должны быть изначально пронизаны мыслью, однако украинский и русский языки свидетельствуют о значительном количестве употреблений, при которых семантически активный субъект не контролирует свои действия, не теряя своей активности и направленности

на изменение объекта. Такой подход к рассмотрению данной проблемы свидетельствует об ее актуальности.

Цель статьи – осуществить идентификацию сообщений о контролируемом / неконтролируемом действии субъекта в украинском и русском языках.

Впервые семантический компонент 'контролируемость' как определяющий, репрезентативный и, прежде всего, классификационный признак глагольных предикатов был проанализирован Т. Булыгиной [1]. Исследовательница обнаружила, что наличие / отсутствие указания на контролируемость в значении глаголов является таксономическим свойством действий и процессов, что позволяет распределять глагольные единицы на семантические классы аналогично признаку статичности / пассивности. В рамках понятия контролируемости могут быть проанализированы различные грамматические и семантические категории, которые способны разграничивать отношение субъекта и предиката в аспекте активности / пассивности. Такое бинарное разделение, согласно утверждению Т. Булыгиной, может быть основой параллельного разделения глагольных подклассов глаголов. Так, в пределах класса глаголов действия целесообразно выделять контролируемые / неконтролируемые действия, в пределах класса глаголов состояния (процесса) – контролируемые "поступки" и неконтролируемые "события" [1, с. 21].

Высказанное Т. Булыгиной предположение об универсальности применения семантического критерия "наличие / отсутствие семы 'контролируемость' в глагольном значении" при создании или выработке классификации глагольных предикатов достаточно актуален в современном языкознании. Его можно взять в качестве основного в утверждении о том, что "одним из важнейших с онтологической и семантической точек зрения является разделение глагольных предикатов на контролируемые и неконтролируемые [11, с. 191]. Ср. также: "Если исключить ситуации, которые вообще не стоит обсуждать в терминах контролируемости (естественные процессы, абстрактные отношения и т.п.), то остальные ситуации (для которых контроль является релевантным) распадаются на два класса – контролируемые и неконтролируемые – независимо от их таксономического типа" [4, с. 145].

И. Ким предлагает систематизировать их по таким показателям [3]:

1) осознанности / неосознанности, где семантический компонент 'осознанность' свидетельствует о контроле над включением субъекта в событийную ситуацию. Согласно подтвержденному психоанализом существованию скрытых подсознательных мотивов для выполнения тех или иных неожиданных или ошибочных действий (оговорок, произвольных движений и т.п.), этот компонент можно считать относительным, ведь речь не разграничивает на семантико-синтаксическом уровне подсознательные интенции и не говорит об их отсутствии;

2) агентивности / неагентивности, при которых агентивность может быть истолкована как приложение усилий субъекта для создания или развития событийной ситуации. По нашему мнению, этот показатель имеет довольно неоднозначный и неустойчивый характер, что мешает применять его в качестве классификационного критерия при дифференциации глаголов действия. Показательна в этом позиция А. Мустайоки, который утверждает, что при глагольных предикатах типа *разбил, упустил, потерял* субъект может быть определен как агенс, потому что хоть и не контролирует, но создает определенное действие, а при предикатах *упал, споткнулся* он может быть истолкован только как экспериенсер, ибо выступает в ситуации, при которой с ним что-то происходит [6, с. 161]. Это означает, что несмотря на

присутствие в обоих типах предикатов семантического показателя 'агентивность' эти предикаты все же не относятся к одной семантической группе;

3) целеустремленности / нецелеустремленности. Целеустремленность субъекта выражается в том, что мотивы, побуждающие его к действиям, вытекают из главных, руководящих идей, которые могут быть целью его деятельности в целом. Противоречивость этого показателя заключается в том, что 'целеустремленность' является свойством определенной степени приобретенным, специально организованным, сформированным, поэтому эту сему нельзя рассматривать как синонимическую 'контролируемости';

4) контролируемости / неконтролируемости. Семантический компонент 'контролируемость' предполагает, что субъект выступает инициатором того или иного события, прилагает усилия для его выполнения, определяет объект своего действия, результат и инструмент. Традиционным способом выражения контролируемости в украинском языке является модель, представляющая переходность осознанного действия, которое выполняет субъект-существо, на объект. Однако довольно часто такая маркировка нивелирует семантическую организацию глагольного предиката, который вследствие отсутствия семы 'контролируемость' в непосредственном значении изменяет общую семантику предложения, несмотря на его формальное соответствие приведенной модели, например: *А вытащил из коробки Б и разбил его, потому что Б больше был не нужен [контролируемое действие] – По дороге А споткнулся и разбил Б [неконтролируемое действие].*

Дальнейшие исследования семантического компонента контролируемости в значении глаголов, активизированные поисками Т. Булыгиной и представленные в трудах А. Зализняк (1985), В. Плунгян и Е. Рахилиной (1998), И. Шатуновского (1996), Т. Шмелевой и Т. Стексовой (1994), продемонстрировали, что контролируемость связана не только и не столько с глагольным предикатом, сколько с субъектом действия. И. Шатуновский отмечает, что контролируемость характеризует не действие или процесс, а собственно субъекта, который способен либо не способен осознавать контроль своих действий. "Если контролируемость – это свойство предиката (ситуации), то наличие или отсутствие контроля, скорее характеризует субъект" [11, с. 192]. Т. Булыгина также оценивает этот показатель не как характеристику предиката, а как свойство субъекта [1]. При этом исследовательница подчеркивает, что она выражается, прежде всего, в предикате, ср.: *А не удержался на ногах и упал – А, разогнавшись, упал на сани и ударил лошадь.*

Субъект-существо (лицо) в украинских и русских предложениях с глагольными предикатами действия всегда содержит имплицитную активность, порождает динамизм высказывания. Традиционно характерным для предложений с общей семантикой действия являются волевой субъект, каузирующий объект. Отсутствие семы 'контролируемость' в предикатном значении обозначена тем, что субъект перестает быть активным творцом действий, не выступает активным участником определенной событийной ситуации. Потеря названного семантического компонента свидетельствует и об отсутствии запланированной субъектом каузации объекта, позволяет говорить о действиях субъекта как о произвольных. В таких моделях в семантике субъектов отсутствуют компоненты усилия воли и намерений. Однако при этом нельзя утверждать, что субъектная синтаксема утратила сему 'активность', поскольку его действия хоть и лишены контроля, так или иначе вызывают изменения в объекте. В пользу этого свидетельствует также и тот факт, что позицию для активного субъекта в украинском языке способны открывать глагольные предикаты, в которых имплицитно заложено отсутствие признака целесообразности. Например,

'неконтролируемость' присуща глаголам со значением случайного или самопроизвольного действия: *выпустить, подскользнуться, споткнуться, удариться* и т.п.

По нашему мнению, целесообразно утверждать, что контролируемость не является характеристикой только предикатной или только субъектной. Введя понятие контролируемости, Т. Булыгина поставила вопрос об отношении между актантом и предикатом, предметом /лицом и действием, а точнее, способом и степенью задействованных процессов в определенных событиях, ситуациях. Эта вовлеченность может быть поверхностной, когда лицо не проявляет воли и интеллектуальных усилий относительно действий, в таких случаях можно говорить о природных процессах, которые происходят без контроля объекта. Однако вовлеченность может быть и внутренней, когда лицо устанавливает связь между собой и процессом /действием [3, с. 20]. В этом случае действие проецируется во внутреннюю (психоментальную) сферу субъекта, и это так или иначе связывается с контролируемостью. Важным в этом отношении является понятие личной сферы, введенное Ю. Апресяном. К личной сфере может принадлежать сам носитель и все объекты, с которыми он имеет внутреннюю связь. В этом смысле контроль является не просто актуализацией процесса, его фокусировкой, а установлением связи субъекта с процессом.

Отсутствие компонента 'контролируемость' в смысловой структуре украинского и русского глагола означает, что глагол обозначает неосознанные и произвольные действия. Неосознанность может быть присуща действиям, которые характеризуются полным отсутствием сознания или нерелевантности его участия. Значение неосознанности определяет актуализацию таких сем, как 'непреднамеренность' и 'непродуманность', ведь неуправляемые сознанием действия не могут быть запрограммированы. Значение неосознанности тесно связано и с отсутствием воли – отсутствие сознания влечет отсутствие воли. Такие действия в определенной степени характеризуются значением вынужденности, поскольку субъект выполняет их вопреки своему желанию. Особенно отчетливо вынужденность проявляется в глаголах с негативной оценкой, которые открывают семантическую позицию для отрицательных последствий или результатов, например: *А сбил у Б шляпу, а Б, защищаясь, размахнулся палкой и разбил витрину в магазине у себя за спиной.*

Вообще нивелирование 'контролируемости' в глагольном значении активизирует реализацию противопоставленных этой семе разнородных 'неконтролируемых' компонентов, таких как: машинальность, механичность, автоматизм, рефлексивность, импульсивность, вынужденность, произвольность, антирезультативность т.д. В качестве критериев выделения этих компонентов исследователи выделяют такие семантические показатели, как неосознанность, отсутствие цели и случайность.

Т. Шмелева и Т. Стексова описывают синтаксическую и семантическую категорию 'непреднамеренности' действия, которая подтверждает, что субъект не хотел выполнять то или иное действие [9, с. 12]. Т. Стексова демонстрирует различные конструктивные типы, которые выражают 'непреднамеренность', в частности выделяет глаголы с инкорпорированной семантикой неспециальности типа *споткнуться, проговориться* т.д., структуры с лексическими показателями типа *невзначай, случайно, вдруг* т.п. Исследование Т. Стексовой, кроме того, обращает внимание на важную проблему этнолингвистики и этнопсихологии, поскольку некоторые языки, в частности славянские, имеют достаточно обширную систему средств выражения отсутствия контроля действия со стороны того, кто его выполняет.

Несмотря на разнообразие сем, которые актуализированы в глаголе в результате нивелирования 'контролируемости', центральным и обязательным участником той

ситуації, которую в свернутом виде представляет неконтролируемый глагол, всегда остается субъект-существо (человек), что свидетельствует о тесной связи субъектного и предикатного компонента, а также об определяющей роли этой связи при семантической классификации глагольных лексем.

Подводя итог, отметим, что семантический компонент 'контролируемость' и те семы, которые возникают в значении глагола вследствие его нивелирования, можно рассматривать как неотъемлемый семантический признак глагольного значения или как семантическое свойство ситуации. Большинство исследователей из-за нестабильности этого признака на референтном и, соответственно, лексическом уровнях соотносят его со структурой ситуации. Очевидно, самым объективным является подход, согласно которому контролируемость понимают как признак или свойство ситуации, в которой взаимодействуют все ее элементы, но при этом она является следствием реализации соответствующей семантической категории и имеет преимущественно общие способы выражения в украинском и русском языках.

Л и т е р а т у р а

1. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов : [монография] / [отв. ред. О. Н. Селиверстова]. – М. : Наука, 1982. – С. 7–85.
2. Кильдибекова Т. А. Глаголы действия в современном русском языке : Опыт функционально-семантического анализа : [монография] / Танзиля Асхатовна Кильдибекова. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 160 с.
3. Ким И. Е. Контролируемость действия: сущность и структура / И. Е. Ким // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1999. – С. 19–31.
4. Кустова Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля / Г. И. Кустова // Логический анализ языка : Модели действия. – М. : Наука, 1992. – С. 145.
5. Логический анализ языка : Модели действия / отв. ред. Н. Д. Арутюнова ; [Ин-т языкознания РАН]. – М. : Наука, 1992. – 166 с.
6. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса : От семантических структур к языковым средствам : [монография] / Арто Мустайоки. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.
7. Письмак Т. Г. Семантика неконтролируемого действия (на материале русского и французского языков) : автореф. дисс. на соискание науч. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 "Теория языка" / Т. Г. Письмак. – Кемерово, 2009. – 22 с.
8. Потапенко Т. А. Лексико-семантическая характеристика глаголов с общим значением разрушительного воздействия на объект / Т. А. Потапенко // Филологические науки. – 1983. – № 2. – С. 50–56.
9. Стеклова Т. И. 'Невольность осуществления' как скрытая семантическая категория и ее проявление : [монография] / Татьяна Ивановна Стеклова. – Новосибирск : Изд-во ННГУ, 1998. – 82 с.
10. Стеклова Т. И. Высказывания с модальной семантикой невольного осуществления / Т. И. Стеклова, Т. В. Шмелева // Системный анализ значимых единиц языка : Смысловые типы предложений : [сб. науч. статей]. – Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1994. – Ч. 1. – С. 53–61.
11. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереперентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) : [монография] / Илья Борисович Шатуновский. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 400 с.

R e f e r e n c e s

1. Bulygina T. V. K postroyeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke / T. V. Bulygina // Semanticheskiye tipy predikatov : [monografiya] / [otv. red. O. N. Seliverstova]. – M. : Nauka, 1982. – S. 7–85.
2. Kil'dibekova T. A. Glagoly deystviya v sovremennom russkom yazyke : Opyt funktsional'no-semanticheskogo analiza : [monografiya] / Tanzilya Askhatovna Kil'dibekova. – Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1985. – 160 s.
3. Kim I. Ye. Kontroliruyemost' deystviya: sushchnost' i struktura / I. Ye. Kim // Lingvisticheskiy yezhegodnik Sibiri. – Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta, 1999. – S. 19–31.
4. Kustova G. I. Nekotoryye problemy analiza deystviy v terminakh kontrolya / G. I. Kustova // Logicheskij analiz yazyka : Modeli deystviya. – M. : Nauka, 1992. – S. 145.

5. Logicheskiy analiz yazyka : Modeli deystviya / otv. red. N. D. Arutyunova ; [In-t yazykoznaniiya RAN]. – M. : Nauka, 1992. – 166 s.
6. *Mustayoki A.* Teoriya funktsional'nogo sintaksisa : Ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam : [monografiya] / Arto Mustayoki. – M. : YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2006. – 512 s.
7. *Pis'mak T. G.* Semantika nekontroliruyemogo deystviya (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) : avtoref. diss. na soiskaniye nauch. stepeni kand. filol. nauk : spets. 10.02.19 "Teoriya yazyka" / T. G. Pis'mak. – Kemerovo, 2009. – 22 s.
8. *Potapenko T. A.* Leksiko-semanticheskaya kharakteristika glagolov s obshchim znacheniyem razrushitel'nogo vozdeystviya na ob'yekt / T. A. Potapenko // Filologicheskiye nauki. – 1983. – № 2. – S. 50–56.
9. *Steksova T. I.* 'Nevol'nost' osushchestvleniya' kak skrytaya semanticheskaya kategoriya i yeye proyavleniye : [monografiya] / Tat'yana Ivanovna Steksova. – Novosibirsk : Izd-vo NPGU, 1998. – 82 s.
10. *Steksova T. I.* Vyskazyvaniya s modal'noy semantikoy nevol'nogo osushchestvleniya / T. I. Steksova, T. V. Shmeleva // Sistemnyy analiz znachimykh yedinit yazyka : Smyslovyye tipy predlozheniy : [sb. nauch. statey]. – Krasnoyarsk : Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta, 1994. – CH. 1. – S. 53–61.
11. *Shatunovskiy I. B.* Semantika predlozheniya i nereferentnyye slova (znacheniye, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika) : [monografiya] / I'ya Borisovich Shatunovskiy. – M. : YAzyki russkoy kul'tury, 1996. – 400 s.

Овчиннікова І. І. Ідентифікація повідомлень про контрольованість / неkontrolьованість дії суб'єкта в українській та російській мовах.

У статті досліджуються дієслова дії в українській і російській мовах, у значенні яких актуалізована сема 'kontrolьованість / неkontrolьованість'; визначаються ті семантико-синтаксичні параметри, за якими дії суб'єкта диференціюються на kontrolьовані й неkontrolьовані.

Ключові слова: дія, дієслово, сема 'kontrolьованість / неkontrolьованість' суб'єкт дії.

Ovchinnikova I. I. Identification of Reports about Accountability / Non-Accountability of Action of the Subject' in Ukrainian and Russian.

The article investigates the action verbs in the Ukrainian and Russian languages, the meaning of which is represented with the seme 'accountability / non-accountability'. The semantic and syntactic parameters are represented. The actions of a subject are differentiated into controlled and uncontrolled ones.

Keywords: action, verb, seme 'accountability / non-accountability', actions of a subject.

Прищепчук І. О.

Київський національний лінгвістичний університет

**ЗАКОНОМІРНОСТІ РОЗВИТКУ
ІНДОЄВРОПЕЙСЬКИХ ПРАОСНОВ ЗІ ЗНАЧЕННЯМ СВІТЛА
(германо-слов'янський аспект)**

Статтю присвячено вивченню схем семантичного розвитку англійських та українських континуантів індоєвропейських праформ на позначення світіння. Зіставляються опрацьовані моделі, а також здійснюється спроба визначити хронологічні зрізи, на яких відбулося розходження семантичних шляхів германських та слов'янських рефлексів. Проаналізовано ті схеми, де семантика світіння зберігається, так і ті, де континуанти її втрачають. Особливу увагу звернуто на аломорфні семантичні перетворення, реалізовані в зіставляваних мовах.

Ключові слова: індоєвропейська праформа, континуант, схема семантичного розвитку, хронологічний зріз.

Інтерес до регулярності семантичних змін, які демонструють лексеми у координатах "діахронія – синхронія", пов'язаний із утвердженням антропоцентризму в лінгвістиці та потребою вивчати значення у всій повноті його реалізацій. Не викликає сумніву той факт, що синхронні та діахронічні студії мають проводитися паралельно, а